

## Звѣзда любви

Изба въ густомъ майскомъ лѣсу, передъ ней поляна, среди поляны раскидистая яблоня, лѣсовка, вся бѣлая и кудрявая отъ цвѣта. Солнце уже сѣло за лѣсомъ, но еще долго будетъ свѣтло. Все свѣжо, молодо, всего преизбытокъ — зелени, цвѣтовъ, травъ, соловьевъ, горлинокъ, кукушекъ. И сладко, лѣсомъ, цвѣтами, травами, пахнетъ легкой холодокъ зари. За тѣми чашами, надъ которыми свѣтлая пустота весенняго заката и которыя спускаются въ лѣсные овраги, розовѣющимъ зеркаломъ сквозить прудъ и въ немъ иногда квохчетъ лягушка, томно, изнемогая отъ наслажденія. Соловьи низко перелетаютъ надъ поляной, гоняются другъ за другомъ, на лету цокаютъ и трещать.

Верховая лошадь, кажущаяся подъ сѣдломъ еще легче и красивѣе, стоитъ подъ яблоней. Она тянется мордой къ мелкой листвѣ среди бѣлыхъ цвѣтовъ, обрываетъ ее и все время звучно жуется. А я сижу на пнѣ возлѣ избы и радуюсь на лошадь.

Я еще чувствую, какъ я сидѣлъ на ней. Мнѣ пріятно, что на мнѣ ловкіе сапоги, что я здоровъ, молодъ, что я хорошій ѣздокъ и что лошадь цѣнитъ это, любитъ меня, что она такъ женственна и породиста, что она горячо и съ наслажденіемъ несетъ меня, куда я хочу, что она съ одинаковымъ удовольствіемъ покоряется мнѣ во всемъ,

— принимаетъ на себя сѣдло, чувствуетъ крѣпко охватившія ее подпруги, идетъ крупнымъ, вольнымъ шагомъ или скорой, размашистой рысью, скачетъ во весь опоръ, стоитъ возлѣ крыльца, на межѣ въ полѣ, подѣ деревомъ въ лѣсу.

Я хлопаю по голенищамъ нагайкой, которую беру только для забавы, сижу и курю. Въ избѣ, на лавкѣ возлѣ окошка, — дѣвочка лѣтъ трехъ, въ чепчикѣ. Она занята тѣмъ, что бьетъ себя по губамъ: бамъ, бамъ, бамъ! За ней, внутри избы, черно и жарко, пахнетъ теплыми хлѣбами, лежащими на столѣ и прикрытыми зипуномъ.

Широта и глубина свѣтлаго заката сократилась, померкла. Темнѣетъ, наступаютъ сумерки. Въ бездонной высотѣ, сѣрѣющей надъ поляной, парами налетаютъ вальдшнепы, на мгновеніе останавливаются — и летятъ дальше. Лягушка смолкла, — во всемъ лѣсу чуткая тишина, только щебечуть гдѣ-то вблизи двѣ птички да и то какъ-то безжизненно, передъ сномъ. И все чаще, все страннѣе смотреть вверхъ, на сѣрѣющую синеву, гдѣ уже мелко проступаютъ первыя зерна звѣздъ, горбатая дѣвка, смирно сидѣвшая весь вечеръ на травѣ неподалеку отъ яблони.

Вверху — небо, вправо — померкшая заря, впереди, за яблоней, — далекіе красноватые просвѣты въ черныхъ лѣсныхъ низахъ. И я тоже смотрю — то въ вышину, то на эти просвѣты, то на лошадь, то на дѣвку — и тогда она, не глядя, тотчасъ же чувствуетъ мой взглядъ и стыдливо подбираетъ ноги, оправляетъ платье. Она чисто и пріятно одѣта. Лицо у нея слегка широкоскулое, но тонкое, одухотворенное прозрачной и прекрасной блѣдностью. Трогательно ея ожерелье на худыхъ ключицахъ, дѣвичья льняная сорочка, маленькія босыя ноги — и странно, даже немного страшень частый и несмѣлый взглядъ въ небо.

Подходить ея мать — воротилась изъ села, принесла мѣшочекъ пшена, связку кренделей.

Поздоровавшись со мной, садится на порогъ избы, вздыхаетъ.

— Была въ селѣ, купила кой-чего... А вы давно тутъ? Анютка не плакала? На нее надежды нѣту, — говоритъ она, разумѣя горбатую, которая слушаетъ такъ, будто говорятъ не про нее, а про кого-то другого, — она у насъ, сами знаете, какая...

Я знаю, но молчу, и баба подробно и не спѣша рассказываетъ или скорѣе вслухъ передумываетъ все то, что я слышалъ уже много разъ:

— Что-жъ, дошло до того, что два раза изъ омута вынимали... Пришла какъ-то съ хутора, а она въ прудъ зашла, въ самый омутъ, — топиться хочетъ... А намедни съ осинки сняла: собираю сушь въ лѣсу, глядь, а она виситъ на суку, еле ногами травы касается, — ужъ краски по лицу пошли... Все говорить, ходить онъ ко мнѣ, душить, настигаетъ... Ночью проснусь, а она задыхается, кричитъ: — «Что ты? Что ты? Пусти, не хочу!» — А самой, по голосу слышу, лестно, сладко... Спать безъ того не ложится, — молится, приговариваетъ: — «Не надѣйся, не надѣйся, съ собой не положу! Всю постелю закрепчу!» — Таеъ прямо никуда, на-нѣтъ сошла, осталось нарядить, да въ гробъ положить... Ужъ я съ ней работы и не спрашиваю, грѣхъ и спрашивать... Куда вся храбрость дѣвалась, а прежде чистый огонь была, нѣжная, обидчивая... Главное дѣло, ее эта порча съ ума свела, — молчить, а какую небось муну, стыдъ несеетъ. Дѣло молодое, тайное, какой только думки въ головѣ нѣту! Иной разъ проговорится, — глаза потушить, покраснѣется и шепчетъ: — «Ну что жъ, ну горбатая, ну уродная, а все лицомъ не хуже другихъ... Ну и пускай никто не возьметъ, постыдится съ такой-то подъ вѣнецъ стать... Найду себѣ получше дружка, потаеннаго, полуночнаго...» — Да что-жъ, и правда: отца нѣту, приданаго нѣту... Какой страшный грѣхъ говорить, а все думается — помреть, все Господь простить...

Дѣвка сидитъ прямо, неподвижно, не слушаетъ или не слышитъ, пристально и странно, почти дико глядитъ въ темноту лѣса.

Домой ѣду полями. Земля залита темнотой, темнота поднимается снизу, затопляетъ далекую зарю, послѣдній слѣдъ ея. Свѣжо, — пахнетъ и зеленью уже поднявшихся ржей и росистой травой на межахъ и всѣмъ тѣмъ полевымъ, ночнымъ, среди чего я родился, выросъ, чѣмъ такъ сладко живу...

Баба говорила: «Я сплю съ Анюткой, на нарахъ, а она на коникѣ, подъ святыми... Чисто покойница, даже жутко по ночному дѣлу... Ночью проснусь — сидитъ, въ окошечко, на звѣзды, на ночь, на лѣсъ смотреть... У меня, говорить, звѣзда любимая есть, вѣрная, неизмѣнная, — Полуночная Зарница...».

Полуночная Зарница. Звѣзда любви, звѣзда пре-разсвѣтная.

Лошадь идетъ подбористо, точно чувствуетъ мои думы, — видны ея настороженные ушки на слабомъ свѣтѣ зари... О, красавица, умница, любимая моя! Какъ передать словами нашу съ тобой близость, нашу любовь, — нѣтъ тоньше, таинственнѣй и чище этой любви, на вѣки безмолвной, на вѣки вѣрной, не обманывающей, любви между человѣкомъ и животнымъ! И какъ постигнуть все то несказанное, все то какъ будто несуществующее, не имѣющее ни образа, ни имени, ни на что въ мѣрѣ не похожее и однако такое сущее, съ такой остротой ощущаемое, что есть между мной и между этимъ, столь для меня въ сущности непонятнымъ и даже ужаснымъ четвероногимъ твореніемъ, съ которымъ я почти одно?

А этотъ, теперь уже темный и такой зловѣщій лѣсъ и она, эта страшная и прекрасная горбунья? Мать теперь, вѣрно, уже спитъ, а она, живая покойница, сидитъ на лавкѣ подъ святыми — и глядитъ, слушаетъ — одна во

всемъ міръ — и все, кромѣ человѣка, все съ ней и въ ней — и ночь и лѣсъ и вся вселенная, вся бездна, вся тайна ея — и ужъ такъ съ ней и въ ней, какъ намъ никому не дано, потому уже совсѣмъ внѣ нашего міра, совсѣмъ не съ нами она, уже почти въ полной власти этого Потаеннаго, Полуночнаго, чья дивная и грозная Звѣзда горитъ передъ зарею надъ лѣсомъ...

И я обнимаю и цѣлую сильную атласную шею своей безсловесной возлюбленной, чтобы слышать ея грубый запахъ, чтобы чувствовать земную плоть, потому что безъ нея, безъ этой плоти, мнѣ слишкомъ жутко въ этомъ міръ, и натягиваю поводья, сжимаю колѣнами сѣдло, и лошадь тотчасъ же отвѣчаетъ мнѣ всѣмъ своимъ существомъ — и легко, горячо несетъ меня по темной дорогѣ къ дому.

Ив. Бунинъ.

## Преображеніе

Дворъ былъ богатый, семья большая.

Старикъ, наплодивъ дѣтей и внуковъ, въ свое время померъ, но старуха зажила и жила такъ долго, что казалось, никогда не будетъ конца ея жалкому и нудному существованію.

Это они со старикомъ были строителями и владынами всего этого обширнаго, прочнаго, теперь уже давно обжитого, вросшаго въ свое мѣсто, грязнаго и уютнаго гнѣзда съ его гумномъ, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой въ три связи, грубымъ до дикости скотнымъ дворомъ, потонувшимъ въ навозѣ и переполненнымъ сытой скотиной. Это они когда-то были молоды, красивы, разумны и строги, а потомъ стали понемногу сдавать да сдавать, какъ-то теряться среди все увеличивающейся и крѣпнущей молодежи, то въ одномъ, то въ другомъ уступать имъ свою волю и наконецъ совсѣмъ сошли на нѣтъ, захирѣли, высохли, сгорбились, забились на палаты, на печь, отчудились сперва отъ семьи, а потомъ и другъ отъ друга, чтобы уже навѣки разлучиться по могиламъ.

Послѣ смерти старика старуха почувствовала себя особенно неловко на бѣломъ свѣтѣ — и сократилась до послѣдняго, совсѣмъ какъ будто забыла, что вѣдь все это молодое, сильное царство, въ которомъ она стала такой не нужной, развела она, она. Вышло какъ то такъ, что оказалась она самымъ ничтожнымъ существомъ во всемъ дворѣ, живущимъ въ немъ точно изъ милости, годнымъ лишь на то, чтобы ютиться на жаркой печи

зимой, а лѣтомъ цыплятъ стеречь, избу караулить въ рабочую пору... Кому бы пришло въ голову бояться ея, жалкой, слезливой, босой, сгорбленной отъ старости и отъ постоянной угодливой робости? Бери въ обѣдъ, въ ужинъ свою колгушку съ похлебкой, бери корку хлѣба и ступай куда-нибудь подальше отъ люднаго стола, куда-нибудь въ уголокъ подъ палатами, — только и всего...

Но вотъ захворала уже какъ слѣдуетъ, забила на печь уже безъ всякаго притворства, закрыла глаза, дыша горячо и безпомощно, съ такой великой усталостью, что даже у плечистыхъ невѣстокъ повернулось сердце отъ жалости. — «Мамушка, ай тебѣ курятинки сварить, либо лапшицы молочной? Можетъ, хочется чего? Можетъ, самоваръ поставить?» — А она только дышетъ въ забытти, только слабо и благодарно рукой шевелить...

Наконецъ развязала всѣхъ, — отошла.

---

Глубокая зима, ночь. Ночь для нея, среди живыхъ, послѣдняя. На дворѣ мятель, тьма, вся деревня спитъ. Спитъ и весь дворъ, — обѣ жилыя связи полны спящими, — и надо всей этой зимней ночью и метелью, надо всѣмъ сномъ и глушью двора и деревни царить Мертвая: вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась въ нѣчто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всемъ мірѣ, въ ипостась какого-то непостижимаго и страшнаго божества, — въ покойницу.

Она лежитъ въ холодной половинѣ — уже въ гробѣ, снѣговая, бѣлая, глубоко уйдя въ свой гробовой міръ, уткнувъ въ грудь приподнятую соломенной подушкой голову, и падаетъ тѣнь отъ чернѣющихъ, выдѣлившихся на бѣломъ лицѣ рѣсницъ. Гробъ, прикрытый легкимъ отъ ветхости парчевымъ покровомъ, стоитъ за столомъ, ярко озареннымъ цѣлымъ пучкомъ восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ нему и пылающихъ жарко, безпокойно. Гробъ стоитъ подъ святыми, на лавкѣ возлѣ окошечка, за ко-

торымъ идетъ морозная метель, черныя стекла котораго блестятъ, искрятся снѣгомъ, снаружи немерзающимъ на нихъ.

Псалтырь читаетъ Гавриль, младшій сынъ покойной, недавно женившійся. Онъ всегда выдѣлялся въ семьѣ своей разумностью и опрятностью, ровнымъ нравомъ, любовью къ чтенію, къ церковнымъ службамъ — кому же было читать, какъ не ему? И онъ пошелъ въ эту ледяную избу просто, ничуть не боясь предстоящей ему долгой ночи наединѣ съ мертвой, не думая объ этой ночи, не представивъ себѣ, что ждетъ его, — и вотъ уже давно чувствуетъ, что случилось нѣчто роковое и непоправимое въ его жизни, что онъ погибъ, погибъ безъ возврата. Онъ стоитъ и читаетъ, наклонясь къ жаркимъ и дрожащимъ свѣчамъ, читаетъ не смолкая, все на одинъ ладъ, — какъ поднялъ голосъ по церковному, такъ и остался на высокой нотѣ, — читаетъ, ничего не понимая и не въ силахъ прекратить чтенія отъ страннаго ужаса, все растущаго въ немъ. Она чувствуетъ, что ему уже нѣтъ спасенія, что онъ совершенно одинъ не только въ этой ледяной избѣ, глазъ на глазъ съ этимъ страшнымъ существомъ, которое тѣмъ страшнѣе, что это его родная мать, но и въ цѣломъ мірѣ, и что ночь такъ глубока, часъ такой поздній, что ему уже не отъ кого ждать ни защиты, ни помощи.

Что съ нимъ случилось? То, что онъ не рассчиталъ своихъ силъ, рѣшившись читать псалтырь надъ покойницей ночью, въ часъ всеобщаго сна, что его внезапно обуялъ страхъ и что онъ не можетъ двинуться отъ этого страха, не можетъ убѣжать изъ этой избы? Нѣтъ, случилось нѣчто гораздо болѣе дивное, случилось чудо, и онъ пораженъ не простымъ страхомъ, а именно этимъ чудомъ, пораженъ дивнымъ изумленіемъ передъ таинствомъ, совершившимся на его глазахъ. Гдѣ она теперь, куда она дѣвалась, — та жалкая, маленькая, убогая отъ старости, робости и безпомощности, которую столько лѣтъ почти не замѣчалъ никто въ ихъ большой, грубой отъ своей силы и молодости семьѣ?

Ее уже нѣтъ, она исчезла, — развѣ это она, вотъ это дивное Нѣчто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное, и все же совсѣмъ не то, что столяръ, стѣна, стекло, снѣгъ, совсѣмъ не то, что вещь, а существо, сокровенное бытіе котораго такъ же непостижимо, какъ Богъ. Развѣ то, что лежить и молчить въ этомъ новомъ, красивомъ гробу, обитомъ темно-лиловымъ плюсомъ съ бѣлыми крестами и крылатыми ангельскими головками, развѣ это та, что еще позавчера такъ убого ютилась на печкѣ? Нѣтъ, это совсѣмъ не та — совершилось съ ней нѣкое преображеніе—и все въ мірѣ, весь міръ преобразился ради нея. И онъ одинъ, одинъ въ этомъ преображенномъ мірѣ!

Онъ волшебнo замкнуть въ немъ и онъ долженъ стоять въ немъ до разсвѣта и читать не смолкая на томъ необычномъ жуткомъ и величественномъ языкѣ, который тоже есть часть этого міра, его гибельный, зловѣщій для живыхъ глаголь. И онъ собираетъ всѣ силы, чтобы читать, видѣть, слышать свой собственный голосъ и держаться на ногахъ, всѣмъ существомъ и все глубжевоспринимая то невыразимо жуткое и невыразимо чарующее, что, какъ нѣкая литургія, совершается въ немъ самомъ и передъ нимъ. И вдругъ медленно приподнимается и еще медленнѣе опускается парчевый покровъ на груди покойницы — она какъ-бы медленно дышетъ! И еще выше и ярче растетъ, дрожить, ослѣпляетъ блескъ свѣчей — и уже превращается въ сплошное изступленіе восторга и ужаса, отъ котораго дервенѣетъ голова, плечи, ноги. Онъ знаетъ, онъ еще соображаетъ, что это морозный вѣтеръ дуетъ въ окно, за которымъ идетъ январская вьюга, что это онъ поддуваетъ покровъ и раздуваетъ свѣчи. Но все равно — этотъ вѣтеръ есть тоже она, усоншая, это отъ нея вѣетъ этимъ чистымъ, какъ смерть, и ледянымъ, какъ вѣчность, дыханіемъ и это она встанетъ сейчасъ судить весь міръ, весь презрѣнный въ своей животности и бренности міръ живыхъ!

---

Теперь Гавриль еще молодой и моложавый мужикъ съ сѣдыми, аккуратно причесанными волосами, совсѣмъ необычный среди прочихъ.

Онъ не хозяйствуетъ, предоставилъ хозяйство братьямъ, женѣ. Онъ бездѣтенъ. Онъ избралъ себѣ дѣло ненужное при его достаткѣ, но единственно любимое имъ — ѣздить ямщикомъ.

Онъ всегда въ дорогѣ, и дорога, даль, мѣняющіяся по времени года картины неба, полей, лѣсовъ, облучокъ телѣжки или саней, бѣгъ пары вѣрныхъ ему, умныхъ лошадей, звукъ колокольчика и долгій разговоръ съ пріятнымъ сѣдокомъ — счастье, никогда не измѣняющее ему.

Онъ простой, ласковый, даже веселый. Но эта веселость какъ бы блаженнаго. Лицо у него чистое, худощавое, сѣрые глаза правдивы и ясны. Онъ не говорливъ, но охотно рассказываетъ достойному человѣку то трудно передаваемое, похожес на святочный рассказъ, а на дѣлѣ истинно дивное, что пережилъ онъ у гроба матери, въ ея послѣднюю ночь среди живыхъ.

Ив. Бунинъ.